

я уже была не одна на свѣтѣ, какъ прежде. Впослѣдствіи я узнала, что и Трухачевскій почувствовалъ то же самое. Прочелъ-ли въ нашихъ лицахъ Позднышевъ эти взаимныя ощущенія,—я не знаю, но онъ пристально слѣдилъ за нами въпродолженіе всего вечера, и я ясно видѣла на его лицѣ знакомые мнѣ слѣды ревности. Что касается до меня, то я провела этотъ вечеръ такъ пріятно, какъ я уже много лѣтъ не проводила ни одного вечера, тѣмъ болѣе, что Трухачевскій игралъ на скрипкѣ, какъ настоящій артистъ, и я съ удовольствіемъ аккомпанировала ему. Прошаясь съ нимъ, Позднышевъ снова обнаружилъ необыкновенную любезность и просилъ его какъ можно чаще посѣщать насъ. Эти любезныя приглашенія онъ повторялъ и въ слѣдующіе визиты Трухачевского, такъ что онъ сталъ бывать у насъ очень часто.

Снова монахиня умолкла и схватилась рукою за сердце, словно боясь, что оно разорвется. Глаза ея закрылись и губы приняли мертвенно-блѣдный оттѣнокъ. Патеръ Винцентъ смотрѣлъ на нее съ лихорадочной дрожью: такъ походила она на мертвеца.